

ИВАН ЧЕКАЛОВ

МЫ СГОРЕЛИ, НОТР-ДАМ

У Ивана Чекалова есть три главные вещи.
Свой стиль. Умение думать. И будущее.

Дмитрий Быков

Вперед и вверх. Современная проза

Иван Чекалов

Мы сгорели, Нотр-Дам

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чекалов И.

Мы сгорели, Нотр-Дам / И. Чекалов — «Эксмо»,
2020 — (Вперед и вверх. Современная проза)

ISBN 978-5-04-114044-1

Что общего у Льва Николаевича Толстого, маленькой французской иммигрантки, действующего президента России, известного художника-карикатуриста и самого Дьявола? Ответ неожиданный: собор Парижской Богоматери. Для кого-то символ веры, для кого-то вид с туристической открытки – Нотр-Дам для каждого свой. Именно поэтому, когда в апреле 2019 года там случился пожар, миллионы людей переживали это как личную трагедию и следили за гибелью собора в режиме реального времени. В дебютном романе Ивана Чекалова собор Парижской Богоматери служит точкой пересечения самых разных судеб. В нем соединились высокая трагедия и черный юмор, гротеск и ирония. Перед читателем – архитектурный роман: в нем каждый из героев – это часть собора. Кому-то достался шпиль, кому-то трансепт, а кому-то суждено взойти на алтарь.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-114044-1

© Чекалов И., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Соборная площадь	6
Шпиль	7
Портал	9
Розетка	18
Неф	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Иван Дмитриевич Чекалов

Мы сгорели, Нотр-Дам

© Чекалов И., текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Соборная площадь

Предисловие

Сколько-то месяцев тому назад, отдыхая от московской беготни, автор этой книги побывал в Париже. Он пробыл там всего неделю – и многое успел. Успел подняться по лестницам Монмартра, оглядеть Париж с вершины Эйфелевой башни, послушать гитару там, где, как казалось, гитары оказаться не могло (в самых грязных и забытых переулках, в самых дешевых ресторанах, у входа в башню Монпарнас и у парковки рядом с этой башней).

За какую-то неделю автор, глядя во все глаза и держа ухо востро, осмотрел все, что ему хотелось осмотреть, и, довольный, кляня носом от усталости и недостатка сна, стал собираться домой. Уже вылетая, он вдруг понял, что не увидел главную французскую святыню, Нотр-Дам. Ладно бы не посетить Дом инвалидов – с этим можно смириться, с этим можно жить, – но Нотр-Дам! Впрочем, вскоре автор пришел к выводу, что не посетил сейчас – посетит потом, не велика, в конце концов, беда. И так же, как из его головы выветрились Лувр, Мулен Руж и Пер-Лашез, исчезла всякая мысль о Соборе.

Спустя три дня загорелся Собор Парижской Богоматери.

Этот пожар и породил настоящую книгу.

Октябрь 2019

Шпиль

Моему дорогому брату Жану

15 апреля,
Нотр-Дам
Моему дорогому брату Жану

Не знаю, где ты сейчас. Письмо шлю по адресу, который мне тут дали. Анси, улица Сомейе, дом семь. Чего ты там делаешь? Я думал, ты в Париже еще, а тут мне сказали, что ты теперь в Анси. Анси. Это где вообще?

А я в Париже. Ты уехал в Париж четыре года назад, и все только и говорили четыре года, что Жан уехал. Жан уехал! Мне тоже захотелось в Париж. Все говорили: «Поль, куда ты поедешь, у тебя же тут Анна твоя!» И смеялись. Но я с Анной поговорил. Пришел к ней, посидели, она все поняла. У нее такие красивые ступени. Ну ты знаешь. А крыша у нее поехала, это да. Вот был бы ты дома, поправил бы. Кстати, что ты там строишь? Опять свои библиотеки? Не знаю, кто столько книжек может прочитать. Ну вот только ты и можешь, наверное.

Мне, когда ты уехал, совсем стало сложно. Тебе-то хорошо, ты умный, а я что? Мне же много не надо – я только к Анне приходил, и все. С тобой мы помнишь как? Ходили вместе, и ты, такой гордый, голову свою кудрявую поднимал, и я тоже как будто поднимал. Ты еще ждал меня на скамейке, когда я Анну подкрашивал, ей это нравилось, помнишь? А потом рассказывал мне, как у нее что называется, части тела ее. Колонны там, фронтон луковый, карниз. Помнишь? Я помню. А когда ты уехал, меня гнать стали. Я к Анне ходил, как обычно. Ну сидел там, обнимал иногда, ты знаешь. Кто-то ходит мимо, а мне все равно. Я на них не гляжу даже. А как-то раз там дети оказались, увидели меня. Плеваться стали, рожи мне корчить. Камнями кидались. И стали меня тогда гнать. Все вообще, не только дети. Я по ночам стал выходить, а они собаку выпустили, злющую такую. Ну я все равно как-то выбирался. Долго так было. А потом смотрю – и люди, кто видят меня, даже не плюются уже, а отворачиваются просто. Очень обидно было. Даже собака гавкать перестала. Была бы мама жива, она бы погнала их всех. Помнишь, как мама на Моро кричала, когда мы маленькие были? Очень громко. А Анна бы ей понравилась. Только крыша у нее поехала, да.

А в Париже я тут работаю на стройке. Вместе с Жюли. Она давно живет в Париже. Хорошая. Ноги у нее, как доски в заборе. Очень большие и коричневые. Помнишь, у нас за роцей был такой дом? С забором. Мы стучали по этому забору, помнишь, а потом выходил этот жуткий черный Моро и кричал: «Опять эти дети! Надо их убить, этих детей!» Вот Жюли, когда отворачивается, очень на забор этот похожа. Ногами.

На стройке не только Жюли. Жюли подруга. А работаем мы с Н. Над Н. Вместе с Н. Н удивительная, Жан, я таких, как Н, еще не встречал. Она удивительная. Ни на кого не похожа. Я помню, как ты мне показывал ее фотографии, давно. Мне тогда неинтересно совсем было, но это же совсем другое! Она когда перед глазами, такая большая, красивая, удивительная, невероятная! Ее плечи поднимаются так высоко надо всем, как будто, кроме них, и нет ничего. Такие бледные плечи. Жалко, я говорить не умею. Ты бы так про нее сказал красиво, наверное! А глаза у нее, как какие-то чудесные цветы, такие красивые и такие глубокие. Я когда приехал только в Париж, думал, что буду спать где-нибудь на скамейках, пока денег не найду, а теперь я рядом с Н сплю, каждый день. Жюли смеется надо мной и говорит: «Поль, какой ты смешной, приходи ко мне, ты можешь поспать у меня!» Но она по-доброму смеется. Жюли добрая. А когда не совсем еще вечер, когда солнце опускается, все

уходят, Жюли уходит, другие рабочие уходят, и только мы с Н остаемся. На нее так красиво падает тень, что кажется, будто она горит. А если встать прямо за ней, особенно когда не совсем еще вечер, то как будто только ты и есть вместе с Н. А больше нет никого.

Н меня тоже любит. Когда жарко, рядом с ней прохладно становится, а когда холодно, можно совсем к ней прижаться – и становится тепло. Н удивительная. Я сначала в Париже вообще ни на что не смотрел, только на нее. И хочется все-все запомнить, части тела, как ты рассказывал, помнишь? И я запомнил. Лучшие всех на стройке теперь, никто лучше меня Н не знает. Неделю назад я сидел с ней ночью, прижался так и тихо сказал: «Я тебя люблю». Так сердце у меня стучало, как будто землетрясение какое. Или собака гавкает так, очень громко. Никогда еще так не стучало. Смотрю на Н, дрожу, а на нее луна падает. Вся Н побелела, представляешь? И тогда я понял сразу, что она меня тоже любит. Так хорошо, Жан, так хорошо! Ты даже не представляешь.

Но мы тут не одни. Сначала мне было все равно, а потом я из-за этого стал злиться. Каждый день на Н таращатся. Приходят и смотрят, смотрят, фотографируют, опять смотрят. И еще так закрывают глаза, будто что-то понимают. Да ничего они не понимают! А есть совсем ужасные. Они другим рассказывают. Показывают, например, на ее плечи, на ее удивительные, невероятные, прекрасные, чудесные плечи и чепуху какую-то говорят про них. А остальные кивают, будто понимают. Не понимаете! Ничего не понимаете! Они все дураки, Жан, глупые, злые дураки. Они ее совсем не понимают, из-за них она не всегда со мной. Она всегда не только со мной, она всегда всех любит! За что их любить, Жан? Они же дураки! Они с ней не целиком, у них есть еще книги, картины, у них еще что-то есть, Жан! Еще что-то, кроме нее! А у меня ничего больше нет, мне ничего больше не нужно! Когда я засыпаю, я вижу во сне Н вместо окон, вместо облаков, вместо травы. Я люблю ее, Жан!

Жюли сегодня спросила меня, а как там твой дорогой брат Жан? А я ответил: не знаю, Жюли, он не писал мне уже два месяца, как я могу знать. Мне тебя не хватает, Жан. Ты бы мне что-то посоветовал. Я сижу тут, уже почти вечер, Жюли отошла покурить. Она взяла спичку, а коробок оставила здесь, у шпиль, в лесах. Шпиль очень красиво светится на солнце, как будто горит. И вокруг так много людей... И все смотрят на нее, глаза так выпучили, помнишь, когда я Анну целовал, они так же смотрели? Бедная Н. Она просто не видит. Надо ей помочь. Они глупые, злые, они так много всего видели, что больше не видят ничего. А я вижу. Все, хватит ждать. Не то они будут пляться завтра, и послезавтра, и послепослезавтра. От меня отворачиваются, а от нее не могут. И солнце так красиво падает. В последний раз касаюсь тебя, Н. Больше к тебе никто не прикоснется. Они поймут. Они увидят. Я люблю тебя, Н. Пока, Жан. Прости, что опять про дома. Я больше не буду.

Портал Je suis¹

Любой город начинает жить с утра. Москва уже в восемь часов спускается на эскалаторе в метро – нахмуренная, вечно чем-то недовольная; пунктуальный Лондон просыпается к шести (потом, правда, весь день спит на ходу); Нью-Йорк, после короткой передышки на ночь и разбавленного кофе, к семи часам снова горит всеми своими окнами – как будто и не спал. И то же самое Берлин – тот город строгий, лишний сон себе не позволяет. И то же с Прагой, Токио, Мадридом... Только Париж устроен по-другому. Так сразу не поймешь, что наступило утро. Разве что свет – до того белый, лунный – синеет понемногу. И тени появляются – длинные, прямые.

Париж живет по вечерам. Когда солнце прячется за краем неба, а Елисейские Поля – за Триумфальной аркой, когда начинают петь клошары и зажигают фонари, на улицы Парижа высыпает люди: с кем-то или сами по себе; выгуливающие, может быть, собак; держащие в руках портфели, сумки и корзины. Вечером все светофоры, словно сговорившись, светятся зеленым, опавшие листья бегают наперегонки. Деревья шуршат – ветки касаются друг друга, кроны кивают девушкам. Около ресторанов мяукают кошки. А луну видно всю ночь – даже сквозь облака.

Пятнадцатого апреля в доме 10 по улице Азиль Попенкур проходила вечерняя летучка. Редакция газеты *Nicolas periodiques*² придумывала новый номер. Холодный воздух заползал сквозь приоткрытое окно в уютный светлый кабинет, почти целиком занятый широким письменным столом. В дальнем углу на стене висели отобранные карикатуры на обложку, рядом, за распахнутой дверью, виднелся темный коридор. Слышался скрип маркеров, карикатуристы изредка поднимали головы от рисунков и перебрасывались парой слов. Из пяти человек, работавших в редакции, курили двое – карикатурист Филипп и колумнистка Нина. За неимением пепельниц пользовались забракованными карикатурами. Пепел лежал на хитро подмигивавшем кому-то президенте Франции, на желтом спасательном жилете, на красном дуле игрушечного пистолета... В окно подул ветер, пепел разлетелся по редакции. Главный редактор, Жорж Пьер, бледный скелет в круглых очках, чихнул. В знак солидарности молодая колумнистка Адель тоже чихнула – только тихо, отвернувшись. Жорж Пьер благодарно посмотрел на нее и, встав с кресла, гаркнул:

– Это невозможно! Филипп, Нина, не курите в здании. Дышать уже нечем от ваших сигарет.

– Ты купи пепельниц лучше на редакцию. – Филипп, пожилой рыжий мужчина, с глубокой морщиной посередине лба и россыпью мелких на всем лице, затаился и уныло посмотрел на Жоржа Пьера. – Не ущемляй права курящих.

Снова замолчали. Жорж Пьер покрутил головой, словно что-то забыл, и, наткнувшись глазами на Адель, улыбнулся:

– Ладно уж. Курящих... Сдаем послезавтра, а не готово ни черта. Нина!

Из-за стола выглянула маленькая кудрявая голова. В зубах у головы была тоненькая сигарета.

– Помнишь?

– Помню.

¹ Я есть (*фр.*).

² Периодика Николая (*фр.*).

– Статья про жилеты. Сделай, пожалуйста. Все тебя ждем... Так. Что еще... – Жорж Пьер наклонился к Адель, и та шепнула ему что-то на ухо. – Да, конечно! Обложка. Есть у нас конечный вариант? Филипп, Андре?

Андре Симон, пятидесятидвухлетний седеющий карикатурист, смотревший всю летучку исключительно в окно, обернулся на главного редактора. В руках он вертел монетку в один евро.

– Все в порядке? – спросил Жорж Пьер.

– Что?

– Неважно выглядишь.

– Нет, все хорошо. – Андре поднялся из-за стола и медленно подошел к стенке с карикатурами. – По поводу обложки. Все ждут карикатуру на президента. Будет им. Завтра двадцать третий акт жилетов, надо туда бить.

– Ох, я вам напишу... – Нина хихикнула и снова склонилась над бумагой. Она затянулась и стряхнула пепел – комочки рассыпались по бумаге.

– Вот. Предлагаю так.

Андре показал монеткой на одну из карикатур. На красном фоне голова президента Франции, широко выпучив глаза и улыбаясь треугольником зубов, говорила: «Я начну с жилетов». В углу стояла белая подпись: «Реформы».

– Черт его знает. Мало. – Жорж Пьер подошел к карикатуре и взялся за край листа. – Нерва нет.

Андре вернулся к столу. Мелькали прожекторы Эйфелевой башни, где-то далеко проехала «скорая помощь». Вдруг Филипп поднял голову.

– А про Нотр-Дам мы чего, – спросил он, – молчим как рыбы?

О раму стукнулось окно – в редакцию залетел сквозняк. Жорж Пьер зябко передернул плечами:

– Нина, окно прикрой, пожалуйста.

– Так душно будет!

Главный редактор снова чихнул. Нина в последний раз затянулась, бросила окурок на улицу и закрыла окно. Жорж Пьер протер нос салфеткой.

– Ну а чего... – сказал он неуверенно, – Нотр-Дам.

– Так горит же. – Филипп обвел глазами редакцию.

– Да знаю, что горит. Нина, они тушат его вообще?

– Шлангами особо не потушишь. – съязвила Нина.

– А вертолеты?

– Ну какие там вертолеты? Крыша же...

– А, ну да, ну да... – Жорж Пьер почесал в затылке и растерянно взглянул на Андре. – Что думаешь? Сможем привязать?

Но Андре не мог ответить главному редактору Nicolas periodiques. Он уже не был в доме 10 по улице Азиль Попенкур. Он был в Нотр-Даме вместе со своей женой Николь.

Они познакомились десять лет назад. Андре было сорок два года, он умел рисовать, корчить рожи и готовить пасту карбонара. По словам друзей, получалось хорошо. К тому моменту Андре успел переменить десяток профессий – грузчика, клоуна в цирке, официанта, художника-мультипликатора для одного заслуженно забытого мультфильма, дворника. Жил он не то чтобы впроголодь, но бедно – ел немного, любил карбонару и зеленые оливки, а кроме этого, готов был жить на хлебе и воде. И жил.

За месяц до того Андре потерял очередное место – учителя французского в начальной школе. Впрочем, эта работа настолько не соотносилась с сорокадвухлетним Андре Симоном – Андре, не получившим высшего образования, Андре, хоть и читавшим Флобера и Золя,

но помнившим лишь несколько их книг, – что он не очень-то о ней жалел. А выкинули его за то, что на уроке, посвященном букве «е», он охарактеризовал действующего президента Франции неприличным словом, начинающимся на эту букву. Только за восторженные взгляды детей, полные трепетного почтения к красивому ругательству, Андре готов был простить и президента, и школу, и даже эту самую несчастную букву «е».

Спустя пару недель, после обидного отказа в бухгалтерии маленькой аптеки, Андре возвращался по ночному Парижу домой. Шел дождь, сентябрь набирал силу, а куртка на Андре уже заметно расходилась в двух местах. На улицах было пусто. Капли барабанили по крышам.

Повернув на свою улицу, Андре увидел мима. Он изображал серебряного трубочиста – щетка валялась в луже на асфальте, а отломанную трубу он держал между ногами. Высыпав из пластикового стаканчика мелочь, мим старательно ее пересчитывал. Мелочи было много. Промокший до нитки Андре пару раз кашлянул. Мим медленно поднял на него глаза и, покачав головой, протянул деньги Андре.

На стеклах Нотр-Дама, путаясь с тенью от вздымавшегося позади аркады шпиля, горело солнце. Бирюзовые апостолы грустно смотрели на горгулий, а святой Фома, как будто что-то вспомнив, притронулся к виску. Западная роза пряталась от глаз зевак – снаружи на ней был виден только вписанный в квадрат витражный круг. Чуть ниже, под балюстрадой, гордо что-то высматривали ветхозаветные цари. Отгороженный тремя порталами от соборной площади, Нотр-Дам возвышался над островом Сите, словно престол над алтарем.

Андре, изображая президента Франции, стоял на постаменте перед Нотр-Дамом. Костюм был ему велик на три размера, а рукава, казалось, доставали до колен. Вокруг столпились люди. Время от времени кто-то из них подкидывал на постамент монетки. Тогда президент начинал говорить.

– Это что? Это что такое! Вы видите, в каком состоянии достояние республики? Видите? В а-ва-рий-ном! Нам надо спасти достояние! А как? Как, спрашиваете вы? Верно! Верно, мальчик! Три буквы, священная мантра французского народа. С – как свобода волеизъявления! Ш – как широта политических воззрений! А – как ангельская честность по отношению к друзьям из-за границы! Верно! Верно, девочка! США! США поможет нам подняться на ноги! – В этот момент Андре вставал во весь рост, и костюм ему внезапно оказывался мал. – И тогда я буду везде. В каждом телевизоре. В каждой новости. Слышишь, Нотр-Дам! Авария, вот что тебе нужно! Вот что нужно французскому народу! Вот что нужно мне!

И Андре снова замолкал – до того, как ему не подкинут еще немного мелочи. К вечеру людей на соборной площади почти не осталось. В костюме было жарко, Нотр-Дам смертельно надоел, и больше всего Андре хотелось вернуться домой и выпить стакан сельтерской воды. Но уйти он никуда не мог – перед ним, прямо на мостовой, сидела молодая девушка и что-то увлеченно рисовала. Денег она не кидала, но зато имела такие удивительные зеленые глаза, что Андре, даже когда моргал, продолжал их видеть. Она носила опрятное черное каре, лицо ее улыбалось, как лицо человека, не привыкшего хмуриться, а на подбородке темным заманчивым пятнышком выделялась очаровательная ямочка.

– Мадмуазель, – нарушая установившееся молчание, произнес Андре, – позвольте бедному президенту задать вам один нескромный вопрос.

Девушка улыбнулась:

– Когда президент начинает так разговор – жди беды.

– И все же. Кого вы рисуете?

– Вас, господин президент, – ответила девушка, вставая. – Хотите взглянуть?

– Ужасно. То есть – очень.

Девушка поднесла к глазам Андре блокнот. Там был изображен президент Франции в костюме, который был ему велик на три размера. Огромная голова президента болталась на

крошечном тщедушном теле, он улыбался и говорил: «Авария! Нам нужна авария!» Андре задумчиво пробормотал:

– Я так сразу и подумал...

– Что подумали? – поинтересовалась девушка.

– Что вы не только красивая, но и талантливая... – Андре удовлетворенно кивнул. –

Позвольте узнать ваше имя.

– Николь!

Девушка убрала блокнот в сумку. Края ее пиджака дрожали на ветру, от нее пахло свежестью, свежей листвой.

– Николя, – Андре поклонился, – президент. По выходным и праздникам скрываюсь за личиной мима. – Андре помолчал. – А это вы для себя рисуете?

– Для работы.

– Ах вот оно что, – протянул Андре. – Значит, художница? Картины пишете? Социальные?

– Карикатуры, – девушка улыбнулась. – В *Nicolas periodiques*. Слышали?

– Слышал... Вы знаете, в школе мне говорили, что я неплохо рисую.

– Карикатуры? – осведомилась Николь.

– Картины. Особенно удачной признавали работу «Падающий пожарный». Она у меня в ванной комнате висит, до сих пор. Вроде зеркала... А вам, случайно, художники лишние не нужны?

Николь расхохоталась.

– А вы приходите завтра с утра в редакцию. Посмотрим на вас... господин президент.

Холодный ветер обдувал нотр-дамский шпиль, протыкая небо яркими угловатыми звездами. Андре и Николь разошлись по домам. Они еще и сами ни о чем не догадались, ловили только себя на невольной улыбке – с чего бы ей здесь взяться? – и на странном, взволнованном настроении, когда ничего невозможно сделать: ни порисовать, ни пасту приготовить. Кроме них двоих только Собор Парижской Богоматери слышал это чувство. И тоже улыбался, пропуская лунный свет за витражи.

Первый месяц работы карикатуристом прошел для Андре ужасно. Маркер валился у него из рук, бумага соскальзывала со стола, а каждая свежая идея на поверку оказывалась вовсе не такой уж свежей. К тому же выяснилось, что навыка рисования – единственного навыка, за исключением готовки, которым Андре раньше гордился, – не только не хватало для газетных разворотов, но даже для маленьких портретов-шаржей.

В коллективе отношения у него не задались – рыжий маэстро *Nicolas periodiques* Филипп терпел его только из-за Николь, в которую, как оказалось, был давно влюблен; главный редактор Пербе, осматривая очередной его рисунок, сурово супил брови, и лишь высокий художавый карикатурист Жорж Пьер жалел Андре. Впрочем, его в редакции тоже не очень-то любили. Не будь там Николь, Андре наверняка ушел бы из газеты, но там была Николь – Николь!

Когда прорехи в художественном образовании Андре стали совсем невыносимы, Николь снова повела его к Собору. Они сели на площади, ровно в том месте, где пару месяцев назад французский президент отчитывал Собор, и достали блокноты. Николь обернулась к Андре.

– Рисуй, – приказала она.

– Есть, капитан. – Андре достал карандаш. – Вопрос позволяете?

– Дозволяю.

– Что рисовать?

Николь махнула рукой в сторону Собора. На ее очках блеснуло солнце.

– Нотр-Дам, – произнесла она на выдохе.

– Де-Пари?

– Де-Пари.

И Андре начал рисовать. Спустя полчаса Николь заглянула в его блокнот и перекрестилась.

– Андре, – спросила она испуганно, – это что?

– Это Собор, – невозмутимо ответил Андре.

– Нет, Андре. Собор – вот, – Николь кивнула в сторону Нотр-Дама, – а это черт-те что. Ты рисуешь карикатуру. Увеличивай, делай смешным, глупым. Хватит стирать, – Николь вырвала из рук Андре ластик и убрала к себе в сумку, – рисуй плохо!

Спустя неделю свежий номер *Nicolas periodiques* глядел на изумленные лица прохожих из всех витрин, киосков и продуктовых магазинов. На его обложке Нотр-Дам, выпуклый и глупый, с двумя башнями, наклонившимися друг к другу в виде сердца, смотрел розой на Францию и перевирал «Марсельезу»: «*Allons enfants terrible*». Под самим Собором Золя вместе с Флобером держали за шкуру президента Франции и надували щеки.

– Слушай, может, тебе воды?

Жорж Пьер сел около Андре и положил ему руку на плечо. В редакции становилось душно, Адель то и дело поглядывала на улицу, на часы – и снова за окно. Андре убрал монетку в карман, мотнул головой, скользнув взглядом по рыжей макушке Филиппа, разбросанным карикатурам, кудрявой голове Нины, и наконец сосредоточился на двух дужках, расходящихся к ушам главного редактора *Nicolas periodiques*.

– Нет, ничего, – тихо ответил он. – Давление, наверное... Я отойду на минуту?

– Да, конечно. Точно ничего не нужно?

– Нет, нет...

Андре вышел из комнаты.

Филипп все еще скрипел маркером по бумаге. Сигарета в его зубах окончательно превратилась в черный тонкий окурочок, с которого даже отказывался падать пепел. Некоторое время все молча на него смотрели. Наконец Жорж Пьер не выдержал:

– Филипп, обложку все равно надо.

– Надо, – окурочок перекатился во рту Филиппа.

– С Собором?

– С ним.

Жорж Пьер беспомощно взглянул на Нину. Колумнистка сложила руки на груди и поежилась.

– Слушай, – она почесала затылок, – а может... без?

– Почему это?

– Ну как. Жалко?... – скорее спросила, чем ответила Нина.

Миниатюрные часы на руке Адель медленно готовились показать одиннадцать, и чем стрелки были ближе к этой цифре, тем больше Адель, расстраиваясь, бросала умоляющие взгляды за окно.

– Кого жалко? – Филипп рассмеялся. – Здание?

– Людей. Почему сразу... здание. На Андре посмотри.

– Андре тут при чем? Извини, Нина, мне надо работу доделать. Жорж, можешь по-быстрому горящий Собор нарисовать? Идея есть.

Жорж Пьер стал рисовать горящий Нотр-Дам. Ночь заползала в Париж, становились слышны птицы. Адель обреченно вздохнула и еще раз поглядела на часы.

Андре сидел в туалете редакции *Nicolas periodiques* и пытался вспомнить черты лица своей жены. Вспоминались брови, уши, нос... Но все ее манеры, каждая деталь, лишь на секунду вспыхнув в голове Андре, тотчас же снова исчезали. И как он ни старался, вспомнить

заново Николь не удавалось. Он стукнул по кабинке. Андре пытался остановить мысль на жене, но вместо ее близкого, дорогого имени вдруг появлялись чужие имена, вместо ее темных волос возникала кудрявая макушка Нины, вместо очаровательной улыбки – сухая линия губ Пьера. Он попытался вспомнить ее глаза, ее чудесные зеленые глаза, которые она то ли из скромности, то ли из кокетства прятала все время за солнцезащитными очками. В этих глазах ему всегда виделся пожар, какая-то горящая стена, за которую можно было попасть только тому, кто вместе с нею был в огне. Андре снова вспомнил про Нотр-Дам – горевший Нотр-Дам, где горел он, где когда-то горела его жена; Нотр-Дам, вместе с которым горел весь Париж.

Она ушла раньше него. Стрелять начали в одиннадцать, а в девять она уже ушла. Он в девять еще спал. Она тихо встала с постели, надела обручальное кольцо (перед сном она всегда снимала его и клала на небольшую подставку около кровати, рядом с лампой, книгой и карандашом), схватила тост и, одевшись и взглянув на него в последний раз, ушла. После Андре пытался повторить то же самое множество раз – выключал свет, снова включал, тихо вставал с постели, хватал тост (обручальное кольцо он не снимал), но никогда не мог дойти до двери. У двери он всегда поворачивал назад. Она в тот день назад не повернула. В одиннадцать началась стрельба, а в десять он уже вышел из дома. До редакции можно было добраться на метро, автобусе, такси. Андре пошел пешком. Было холодно, зима уже перевалила за январь, а на нем только и было, что легкое пальто. Он вдыхал холодный воздух и останавливался возле каждого киоска. Последняя его карикатура казалась ему особенно удачной. В одиннадцать уже стреляли, а в половине одиннадцатого он проходил мимо Нотр-Дама. И что-то дрогнуло в Андре Симоне в десять сорок. В десять сорок он решил зайти в Собор.

Андре не верил в Бога. И все же иногда, в самые неожиданные моменты своей жизни, когда Андре даже не вспоминал про Бога, Бог как будто вспоминал про Андре. Сам Андре не смог бы растолковать, что это значит. С ним не случилось никаких совсем уж необъяснимых и неведомых чудес, не было никаких голосов, пронзающих небесный свод, никаких горящих смоковниц, да что там: даже поднеся из игривого интереса спичку к можжевельниковому кусту, Андре не смог его поджечь. Но иногда – чувствуя полоски света, разделяющие его квартиру на шахматную доску; когда покупал в магазине хлеб, глядя в глаза кассирше, в которых отражался он, и хлеб, и что-то еще – непонятное, темное, обволакивающее, – смущенно протягивая деньги, потому что та уже начинала хмуриться; изо дня в день, переходя дорогу по пути к редакции перед расступающимися машинами и под расступившимися облаками, – иногда Андре чувствовал Бога. В тот день в десять сорок утра Андре не мог не зайти в Собор, хотя изо дня в день уже пять лет проходил мимо него и даже не поворачивал головы. Он отключил телефон – и все звонки, сообщения, все новости и эсэмэски, отправленные главным редактором Пербе, Филиппом, Жоржем Пьером, уплыли в темноту экрана. Николь написать мужу не успела. На следующий день появились чужие люди – и все зачем-то плакали, все выходили на улицы, поднимали руки. И говорили: «Je suis Nicolas».

Андре знал, что они не Николая. Николая умер в тот день, в одиннадцать – вместе с Николь. В Нотр-Даме Андре провел двадцать минут. После он сам не мог вспомнить, что там делал. В одиннадцать часов утра застрелили Николь Симон – а он в одиннадцать только выходил из Нотр-Дама.

Спустя четыре года, сидя в туалете *Nicolas periodiques*, Андре беззвучно плакал. В сжатом кулаке он все еще держал маркер. За стенкой слышались голоса. Все в редакции напоминало Андре жену. Створки окон были отпечатком ее ног, складки штор – изгибами плеч. Неправильный контур ее носа отражался в ручке двери, а ее волосы повторялись в полосках света, откидываемых жалюзи. Глаза Николь были в горящем Нотр-Даме.

Андре вышел из кабинки, подошел к раковине и взгляделся в отражение. В зеркале стоял полноватый седеющий карикатурист с мешками под красными глазами, с ввалившимися щеками и с маленьким сжатым ртом. Андре посмотрел себе в глаза. За красными сосудами виднелся отблеск света. И то ли лампа в эту минуту подмигнула Андре, то ли он сам моргнул – но отблеск на секунду потемнел. В темноте Андре увидел кабинку туалета, приоткрытую дверь. За потухшим отблеском Андре чувствовал Бога.

Нотр-Дам горел. Прошло четыре часа с появления маленькой искры в районе шпиля – сейчас огонь был уже везде. Целые бригады пожарных сновали по свинцовой крыше, доставали и убирали лестницы, уезжали и приезжали на больших машинах. Тонкие струи воды, кружась с пламенем на крыше, рождали дым, и понемногу дым заволок весь Нотр-Дам. Спряталась крыша, уже обрушился шпиль, не было видно башен, стрельчатых порталов, витражей. Нотр-Дам умирал. Снаружи сновали люди, весь Париж следил за Собором, вся Франция, весь мир. Внутри Собора был только Андре.

В руках Андре все еще держал маркер. И думал он все еще только о Николь. Собор горел, а Андре горел вместе с ним и мечтал только об одном – наконец-то догореть. Андре осмотрелся. Пол был усеян обломками. Новые падали со сводов каждую минуту. Пахло гарью. В конце центрального нефа, за главным алтарем, огнем светился крест. Рядом стоял Христос. Он надул губы и сказал:

- Обидно.
- За что? – спросил Андре.
- Такая красота была.

Христос поднял обломок шпиля и посмотрел вверх. Андре взглянул туда же. На крыше стоял мощный седой старик в крестьянской рубахе, подвязанной ремнем, и поливал из огромного ведра огонь. На его длинной бороде лежал пепел, а брови не разгибались от тяжелого прищура. Старик расторопно бегал по крыше и пытался потушить огонь. Его фигура показалась Андре смутно знакомой. Он вопросительно посмотрел на Христа.

– Писатель. Представитель, временный. – Христос улыбнулся и посмотрел на Андре. – Ну что? Горим?

Андре промолчал. Он стоял в туалете редакции и смотрел в тупое мутное отражение перед глазами.

- Зачем? – тихо спросил он.
- Не знаю, Андре, – Христос грустно посмотрел на Андре и подошел к нему вплотную, – сам не знаю.

– Почему? – Андре опустил голову на грудь Христа. – Почему? Я хочу к Николь, хочу домой!

- Знаю, Андре. Скоро.
 - А Николь?
 - Николь давно там.
- Андре протер кулаком глаза.

- Забери меня, – жалостливо попросил Андре. – Пожалуйста, забери. Я устал...
- И я устал. Горим, Андре, – Христос улыбнулся, – горим...

Слышались крики пожарных, дым забирался внутрь Собора, становилось тяжело дышать. Андре закашлялся.

- Возьми, – Христос протянул Андре бутылку воды.
- Святая?
- Сельтерская.

Андре сделал несколько глотков. По вкусу вода напоминала ту, что у него в квартире текла из-под крана.

– Боже... – Андре поднял глаза на Христа. – А ты есть?

Христос улыбнулся и показал на старика сверху. Тот протер рукой запотевший лоб и громко чихнул. Воздух из его ноздрей смыл розы, башни, свалил с лестниц кричащих пожарных. От звука лопнули стекла в витражах, засигналили перевернувшиеся машины. А пепел с его бороды забрал с собой горящий Нотр-Дам, обвалившуюся крышу, шпиль, горгулий, Бога и Андре.

Андре помотал головой, нащупал в кармане маркер и забежал обратно в кабинку. Он оторвал лист туалетной бумаги и заштриховал ее, оставив посередине только одну белую надпись.

– Нет, ну, по-моему, отлично.

– Да, хорошо...

Редакция *Nicolas periodiques* склонилась над совместной карикатурой Андре, Жоржа Пьера и Филиппа. На красном фоне президент Франции все так же злобно улыбался треугольником зубов, в углу стояла та же надпись: «Реформы». Но теперь на его макушке горели башни Нотр-Дама, а говорил президент следующее: «Я начну с несущих конструкций». Филипп подпрыгнул от удовольствия.

– Ай да я! – он оглянулся на коллег. – Можете потише ликовать, а то стены сейчас от аплодисментов лопнут.

Нина посмотрела на главного редактора и вопросительно кивнула на приоткрытую дверь. Жорж Пьер покачал головой.

– Пусть пересидит. Лучше один. Да, – уже громко продолжил он, – отличная обложка. Так и оставим. Спасибо, Филипп.

– Обращайтесь.

Вдруг в кабинет забежал Андре. Его зрачки бешено вращались, входя он гулко стукнулся о дверь и сразу же, прихрамывая, направился к карикатуре Филиппа. Он сорвал ее и прикрепил на стену свой листок – на черном фоне вырисовывалась белым цветом одна надпись, предложение в два слова. На листке было написано «Je suis».

Молчание стояло несколько секунд. Филипп поднялся с кресла и вытянул шею.

– А мою зачем сорвал? – спросил он.

– В твоей неправда.

– Ага, – тихо проговорил Филипп, – а в твоей, значит, высокий художественный смысл? Жорж Пьер шикнул на Филиппа и подошел к Андре.

– Андре, а что это значит-то?

Андре в ответ только улыбнулся. Он посмотрел в окно и, вдруг что-то вспомнив, обратился к Адель:

– Который час?

Адель, счастливая возможности безнаказанно взглянуть на свои часы, радостно сообщила:

– Без десяти одиннадцать!

– Господи... Не успеваю!

Андре бешено взглянул в глаза главному редактору Жоржу Пьеру, колумнисткам Нине и Адель, карикатуристу Филиппу. Он широко открыл рот, но выдать смог только что-то похожее на кашель. Нина схватилась руками за кудрявую голову и хотела было уже крикнуть Андре, что хватит, что они все его любят, что Николь была прекрасной, но она умерла и надо жить дальше, что все эти карикатуры яйца выеденного не стоят, а главное – это они, люди, и он, человек, Андре Симон... Но Андре остановил ее рукой и тихо сказал:

– Je suis!

Вода заполняла крышу Нотр-Дама. Дым поднимался в воздух. Уже было темно. Люди стояли вокруг Собора и молились. А через новости и телерепортажи молились и другие – те, что были далеко. Андре пробрался сквозь кольцо людей вокруг горящего Собора и подошел к центральному portalу. Его никто не остановил. Люди перестали молиться и все одновременно посмотрели на него. Пожарные свернули шланги и с высоты лестниц и подъемных кранов взглянули на Андре.

Дым завис в воздухе и окутал Нотр-Дам, чтобы увидеть седеющего карикатуриста.

– Извини, я немного опоздал.

Нотр-Дам громыхнул в ответ. Андре улыбнулся. Он нащупал в кармане монетку в один евро, коснулся рукой Собора и закрыл глаза. Все замерло вокруг Андре. В Париже остановилась жизнь, мир перестал кружиться. Все следило за Андре. За ним наблюдали деревья в парках, фонари на улицах, машины на парковках. На него смотрели люди – мальчики в синих джемперах, девочки в желтых платьях, их родители. Смотрели полицейские, кассиры, юристы. Смотрели авторы юмористических колонок. Смотрел и пожарный Анатолий прямо над ним – не в силах оторвать от Андре взгляда, он случайно задел обломок крыши, слетевший прямо с горящего Собора вниз. Миллионы глаз проследили его путь. Обломок крыши раздавил Андре Симона. И мир снова закружился.

На следующее утро редакция газеты подготовила окончательный вариант обложки. За основу взяли вариант Филиппа. Заменяли только одно – вместо президента Франции улыбался треугольником зубов Христос. И говорил: «Я начну с несущих конструкций».

Любой город начинает жить с утра. Утром открываются магазины, просыпаются люди, утром город наполняется запахами, звуками, взглядами. По утрам каждый город как будто возрождается из пепла – и все, что было в предыдущий день, забывается как сон. Страшный или, наоборот, приятный. Только Париж живет иначе. Париж по утрам спит. Птицы улетают к птенцам в гнезда, собаки забираются под козырьки аптек, аптеки запираются на ключ. Глаза города закрываются – а вместе с ними потухают уличные фонари. Музей Орсе в последний раз сигналит паровозными гудками, Монмартр прячется за спинами домов где-то в вышине, а кроны деревьев в Люксембургском саду склоняются к цветам. Утром Париж спит. И даже река Сена не стучит волнами о берега острова Сите. Солнце только показывается за горизонтом, и все несчастное живое, что не нашло на дневное время себе прибежище и кров, ютится по углам и переулкам. Только Нотр-Дам не спит и нигде не прячется. Пожарные кричат что-то друг другу, но все без толку. Обломки лежат внутри Собора и вне его. От крыши густым туманом поднимается дым. Люди уже не стоят вокруг него кольцом, осталось только несколько самых упрямых. Впрочем, и те уже трут глаза и, стыдливо прикрывая рты, зевают. Утром Париж спит. Но стоит только показаться контуру луны, как город снова оживет. Проснутся пожилые пары и долговязые студенты, проснутся ретриверы, бульдоги. Проснется Собор на острове Сите. Проснется и Андре Симон. И тихо, как будто на границе сна и яви, кротко улыбаясь, проговорит: «Je suis».

Розетка Моя Франция

Зарима Абдель, бе 3

15.04.2019

СОЧИНЕНИЕ

Моя Франция

Франция – это мой дом. Раньше я жила в другой стране, а теперь живу во Франции. Я приехала сюда совсем маленькой и живу тут всю жизнь. Мне кажется, что во Франции много смешного, но я все равно люблю ее. Например, вилки и ножи. По-моему, это совсем неудобно, руки тогда зачем? А еще ужины. Не понимаю, зачем все ужинают? Но я все равно люблю Францию. Франция – это моя жизнь. Но больше всего во Франции мне нравятся три вещи. Я их люблю. Я люблю Анси. Я люблю Нотр-Дам. Я люблю Махди.

Я живу в городе Анси. Тут много хороших людей, например моя подруга Софи, моя учительница Ребекка, Махди, моя мама и мой папа. У нас очень много воды. Через весь город течет канал Тью, очень красивый. А прямо на нем есть настоящий дворец! Он называется островной дворец. Вообще, в Анси много красивых мест. Например, рядом с нашей школой есть зеленый парк. Там всегда хорошо пахнет. Пророк (мир ему) говорил, что любит благовония. Я тоже люблю. Но в Анси есть и плохие здания. Например, новая библиотека. Ее построил архитектор из Парижа, и мне она не нравится. Махди сказал, что она построена там, где раньше была мечеть. Мы гуляли рядом с ней, мы вообще редко гуляем, но тогда Махди сказал, что обязательно надо посмотреть эту библиотеку. Мы пошли, и Махди всю дорогу рассказывал, почему она такая ужасная. Во-первых, она очень большая, а «он не любит тех, кто излишествует». Во-вторых, нельзя строить такую гадость на месте, где раньше был дом Божий. И в-третьих, она слишком сложная, а было сказано «облегчай, а не затрудняй». Так мне сказал Махди. Она очень большая и сделана из каких-то серых кубиков. Я думаю, что это уродливо, хотя Софи говорит, что я ничего не понимаю. Но я все равно люблю Анси. Мама рассказывала, что там, откуда мы приехали, всегда было жарко и душно и почти не было деревьев. А в Анси очень много деревьев! И если станет жарко, то всегда можно найти воды. У нас очень много воды.

В Париже мы были в феврале. Было очень много снега. Мои родители говорят, что снега они не видели до того, как сюда приехали. А Махди впервые увидел снег, когда ему исполнилось шестнадцать. Он так мне рассказывал. В Париже я увидела очень много интересного. И каждый раз радовалась, какой красивый мир сделал Аллах, ибо «воистину, в сотворении небес и земли, а также в смене ночи и дня заключены знамения для обладающих разумом». А Ребекка говорит, что я умная. В Париже мне больше всего понравились Эйфелева башня, соборная мечеть и Нотр-Дам. Эйфелева башня очень высокая. Мы с папой забрались на самую верхушку! А мама испугалась и осталась ждать нас внизу. Зато, когда мы спустились, она дала мне мороженое с клубникой. В Париже очень вкусное мороженое. А потом мы увидели соборную мечеть. Там очень красивые купола и все разные. А рядом стоит медресе, и я очень бы хотела там учиться. Прямо там я попросила у Аллаха, чтобы все-все мечети были такими же красивыми и чистыми. Я сказала папе и маме, что, когда Махди победит лжепророка Дадж-жаля, все будет справедливо и правильно. Папа удивился и спросил, откуда я знаю про Махди.

А я ответила, что мы с ним общаемся и он меня учит понимать аяты Священного Корана и оберегает от Шайтана. Папа еще больше удивился и спросил: а как выглядит имам Махди? Я рассказала. Тогда родители разозлились и сказали, чтобы я с ним больше не общалась, потому что он плохой мусульманин и плохой человек. И оставили меня без вкусной сладкой асиды. Я тогда очень удивилась, потому что масих Махди не может быть плохим мусульманином и плохим человеком. И расстроилась, потому что я очень люблю сладкую асиду. А потом я побывала в Нотр-Даме. Нотр-Дам – это самое красивое, что я видела в своей жизни. Я в него влюбилась. Мама рассказала мне, что это христианский собор, но мне кажется, что надо уважать все религии. Моя подружка Софи верит в Иисуса Христа, а ведь было сказано: «И пусть судят обладатели Евангелия по тому, что низвел в нем Аллах». Мне кажется, злиться на них глупо. Аллах им судья. Поэтому я не злюсь на Софи. А Нотр-Дам мне очень понравился. Я никогда не видела таких страшных статуй и красивых окон. Там очень красивые окна! Они похожи на мои любимые цветы – розы. А когда я зашла внутрь, там так вкусно пахло, лучше даже, чем у нас в парке. И я закрыла глаза и представила, как бы было хорошо, если бы все люди молились в одном храме и любили друг друга. Махди обнял бы маму с папой, и я бы тоже их всех обняла. И был бы этот храм Нотр-Дам. Нашей дамой. И все бы жили тихо, спокойно и хорошо. И все бы ели вкусную асиду. Я очень не хотела оттуда уходить. Уже два месяца Нотр-Дам снится мне и во сне поет колыбельную про кошечку Намиру. Мама говорит, что ей пела эту песню еще ее мама, в другой стране. А когда мы вернулись в Анси, я рассказала про Нотр-Дам Махди. Он ужасно разозлился и сказал, что высокие дома суть признаки Конца света – киямата. Он сказал, что как великий пророк Ибрахим был готов принести в жертву Аллаху своего любимого сына Исмаила, так же и я должна быть готова во имя Его принести в жертву Собор. Я ужасно расстроилась и заплакала, потому что правда люблю Нотр-Дам. Махди просил меня молиться о смерти парижского Собора, потому что он – от Шайтана, а все, что говорит Махди, – от Аллаха. Он сказал, что так же, как библиотека в Анси, Нотр-Дам – суть обман, помогающий Даджжалю. Махди пообещал, что они будут гореть в праведном огне – библиотека и Собор. Я очень не хочу, чтобы Нотр-Дам горел в праведном огне. Потом я рассказала Махди про маму и про папу. Он очень расстроился и сказал, что давно-давно он жил вместе с нами, а потом мы уехали во Францию, и мама с папой выгнали его из дома. Я очень разозлилась на маму и папу. Я люблю Махди.

Я люблю Махди. В первый раз я увидела его год назад. Я еще не училась в колледже, и у меня было много времени. Я гуляла в парке вместе с Софи, и вдруг меня подозвал человек. Он сказал, что его имя Махди и что он – преемник пророка Мухаммеда и пришел на землю, чтобы восстановить на ней справедливость перед наступлением киямата. Я спросила, что такое киямат. Он показал на парк и сказал, что его больше не будет после киямата, и ничего больше не будет. А потом Махди увидел крестик у Софи, плюнул и сказал, что таким не будет места в чистом мире. Я очень удивилась, потому что Софи всегда моется и никогда не грязная. Потом мы вместе гуляли и он указывал мне на признаки Конца, например на машины, вывески в магазинах и на высокие дома. Он сказал, что соборы все – гадость, а особенная гадость Нотр-Дам. Я спросила у Махди, почему он выбрал меня, чтобы явиться, а он ответил, что во мне течет кровь пророка Мухаммеда, как и в нем. Я очень обрадовалась. С того времени мы все время общаемся с Махди. Он мой самый лучший друг. Я ему все рассказываю. Только он не хочет, чтобы я говорила про него родителям. Родители его не любят. Однажды Махди рассказывал мне про Даджжаль. Он сказал, что лжемессия уже появился и что он в городе Анси. У Даджжалья кудрявые волосы. И тут я вспомнила – у архитектора из Парижа тоже волосы кудрявые! Тогда Махди сказал, что он должен победить Даджжаль и уничтожить во имя Аллаха и Пророка (мир ему) все, что сделал Даджжаль. Махди очень любит Аллаха. А я очень люблю Махди. Иногда он забирает меня из школы. Например, совсем недавно он зашел за мной, и мы долго гуляли по парку. Там он купил мне мороженое. Мы много смеялись. Я ему сказала:

как хорошо! И он ответил: правда хорошо! А потом он спросил меня, что я буду делать во вторник, шестнадцатого числа. Я сказала, что школы у меня не будет и, наверное, буду гулять. А Махди сказал, чтобы я сидела дома, потому что он приготовит мне сюрприз, если я буду себя хорошо вести и молиться Аллаху о спасении души и гибели Нотр-Дама. Я не хочу, чтобы Собор умирал, но так мне говорит Махди. А я люблю Махди.

Я очень люблю Францию. И хотя я родилась в другой стране, мне кажется, что мой настоящий дом здесь, в Анси. Больше, чем Францию, я люблю только Аллаха и Махди. Поэтому я пишу это сочинение и молюсь о том, о чем меня попросил Махди, о воле Аллаха – молюсь о том, чтобы сгорел Нотр-Дам. И хотя я очень люблю его, Аллаха я люблю больше. Прости, дорогой Собор, я очень не хочу, чтобы ты умирал, ты самый красивый на свете. Я никогда не забуду, как ты пахнешь и какой у тебя красивый шпиль, и твои страшные статуи. А еще твои красивые окна. Они так похожи на розы! Обещаю – никогда-никогда! Пожалуйста, снись мне почаще. Моя Франция – это моя жизнь. Я люблю Францию. Я люблю Нотр-Дам. Я люблю Аллаха.

18 баллов

Молодец, Зарима! Очень большое и хорошо написанное сочинение! Единственное, что ты очень поздно его прислала, – я должна была выставить оценки за триместр еще на той неделе. Ну ничего. Но вот что меня действительно беспокоит, так это Махди. Тебе надо обязательно слушаться родителей, а не незнакомого человека. Нужно это обсудить. Приходи завтра в новую библиотеку (а мне она нравится!) на ее открытие к одиннадцати часам. С родителями. Если повезет, может, увидим Жана Годена. И заодно поговорим.

Мадам Ребекка

Неф

Доброй памяти старому королю

Президент России отходил ко сну. Вместе с ним засыпала вся страна. Дома все было хорошо. Преступники ютились по углам, авторитеты отсиживали сроки. Каждое окно в усадьбе Президента было приоткрыто (оставлено на щелку – так, как он любил), из всех комнат вымели пыль. Задевая стены, воздух кружился сам собой и нервно шевелил темные шторы, занавески; листал забытые на середине книги и газеты; отдавался рябью в светлой воде бассейна и в зеркале киноэкрана. От ветра по дорогам городов скользил тающий снег. Дома было тихо. В Москве поскрипывали рельсами трамваи, в Питере шептались парки. Все засыпало рядом с Президентом, и только иногда он слышал мерный стук часов в гостиной. Дома было темно. Во всей стране и в каждой комнате усадьбы. Только из спальни Президента еле заметно пробивался свет настольной лампы. Президент, уже раздевшись и подумав по привычке перед сном над судьбами страны, ложился спать. На прикроватном столике стояла нетронутая чашка остывшего глинтвейна, за окном холод путал друг с другом кроны деревьев, а в голове роились отрывистые буквы, фразы, мысли, и каждая складывалась в слово «сон», каждая повторяла три дорогие буквы и посылала их в нервы, в сердце, в мозг. Президент потянулся и зевнул.

«Завтра рассвета жди... Или не жди? Не помню. Ну, дай Бог», – подумал Президент и, укрывшись простыней, закрыл глаза. В ту же минуту уснула вся Россия.

Телефон зазвонил в два часа ночи. В спальне Президента было три телефона: белый – для звонков близких людей (в последнее время этот телефон звонил все реже), синий – для распоряжений внутри усадьбы и красный – для экстренных и неотложных разговоров. Сейчас зазвонил красный. Президент понял это не сразу и спросонья поднял трубку сначала белого телефона, выдавив в нее сонное «тя?», потом синего – на сей раз более уверенно прохрипев «дя?», и наконец, приложившись всем лицом к красной трубке, Президент гаркнул:

– Да?

– Господин Президент, простите, что поздно. – Президент узнал неуверенный голос генерала Сереброва. – Я вас разбудил?

– Да. В чем дело?

Президент зевнул. Серебров удержался и выпустил воздух через нос.

– Вам звонят.

– Я обратил на это внимание. – Президент приоткрыл правый глаз. – Кто?

– Президент, – уверенно ответил Серебров.

– Да?

– Нет! – Президент почувствовал, как Серебров замахал руками. – Не вы. Другой. Французский. Говорит, срочно. Переключить?

Президент представил кровь на лильской ткани, но, не зная точно, что отличает лильскую ткань от, например, брянской, недовольно свистнул носом. «Кровь... И все врут, что не стирается, прекрасно стирается. На какие-то там ткани пролил пальцы багрянец... Какие еще пальцы? Кожаные, из кожи. Жи-ши. О чем я? Ча-ща, чаща леса, рядом у меня почти что чаща... А, да, пальцы. Разные бывают. Худые, толстые... Алюминиевые. Как огурцы...»

Серебров по ту сторону трубки терпеливо ждал Президента. Однако, когда свист повторился в шестой раз, он тихо произнес:

– Господин Президент...

– А? – Президент снова приоткрыл правый глаз и сглотнул. – Да.

– Так что, – неуверенно спросил Серебряков, – переключить?

– Кого?

– Телефон.

Президент попробовал моргнуть. Не получилось. Он потянулся рукой к глинтвейну, немного отхлебнул и посмотрел в окно. Луна светила над деревьями. На кронах лежал ее бледный свет. Вдалеке поблескивали звезды. Но Президент не любил звезды. Президент любил луну. Он открыл левый глаз и недовольно спросил:

– Зачем?

– Ну как же... – совсем растерялся Серебров, – звонят ведь.

– Звонят?.. – переспросил Президент. – Кто? А, Франция? Да, да, давай.

Серебров перевел звонок и облегченно выдохнул. Он жил в гостевом домике недалеко от самого особняка и мог видеть свет в комнате Президента. Серебров сел на кровать, пригладил рукой седые волосы на макушке и перестал дышать. Его маленькие, глубоко посаженные глазки кидались из стороны в сторону и никак не могли на чем-нибудь остановиться. Он был уже давно не мальчик, он многое видел и многое хотел забыть, уже прошло то время, когда он мог влюбиться или в чем-то изменить себе. Но каждый раз, глядя в сторону Президента, Серебров невольно вздрагивал и замирал. Чем старше становились они оба, тем меньше они общались с глазу на глаз, как в начале – когда были бокс, дзюдо и, конечно, чай... Серебров чувствовал, что Президент изменился, стал строже и как будто выше, а сам он – после жены, детей и даже внуков, после высоких должностей и медных труб, – сам он не поменялся ни на йоту. С того времени, как Серебров ушел с поста начальника охраны Президента, прошло совсем немного лет. Он жил с женой, у него и самого был неплохой дом с видом на кроны и луну, но в последнее время Серебров все чаще стал ночевать в усадьбе Президента. И хотя Президент этого не одобрял, он никогда не отказывал в маленькой прихоти генералу, тем более что заодно Серебров мог помогать ему в быту. Например, переключать звонки.

Сейчас в голове Сереброва не было никаких мыслей, он ни о чем не думал – и только его глаза не отрывались от особняка. Сереброву больше не хотелось спать. Он следил за окном Президента, единственным в стране окном, в котором горел свет.

– Я вас слушаю, – отрывисто начал Президент.

– Господин Президент, здравствуйте!

– Здравствуй, – Президент зевнул, – коллега.

– Я вас бужу? Конечно же бужу... Какой ужасный день, господин Президент! Какой страшный день!

Они говорили по-английски. Президент Франции плакал. Его голос, обыкновенно бархатный, спокойный, сейчас срывался на фальцет. Президент не переносил слез. Он протер рукой заспанные глаза.

– Ну, ну... Будет, – мягко отрезал Президент. – Расскажите лучше. В чем дело?

– Помните? Как у Гюго... – Французский президент шмыгнул носом. – Клод Фролло мертвый. И Эсмеральда... Тоже. Повесили. И мама ее, в башне. И... Клод Фролло. Все в прах превращается!

– В прах?

– Да! Вот был горбун... – президент Франции всхлипнул, – и нету горбуна! Даже скелета нет, господин Президент, представляете? Даже косточки одной, чтобы сохранить на память.

– Без косточек тяжело бывает. Но вы в землю... Заройте... И поцелуйте потом...

Длинный узкий коридор отделял Президента России от деревянной двери с надписью: «Обернитесь». Президент обернулся. Позади него виднелась другая дверь, металлическая, над которой светила надпись: «Обернитесь». Президент обернулся.

В Дрездене было холодно и сыро. Только прошел дождь. Люди убирали зонтики, в лужах отражалось солнце. На парковке городского парка стояла одна-единственная машина – зеле-

ные «жигули», шестерка. Президент России сидел на скамейке и читал. Друг с другом перемигивались незнакомые Президенту деревья, а знакомые (тут были ясени и буки, блестела белизной магнолия, а рядом с ней светилась голубая ель) почтительно ему кивали. Трещали дрозды. Президент попробовал прислушаться. Он никогда не разбирался в птицах. Им Президент предпочитал деревья.

К Президенту подошел мужчина. В кружевной рубашке с воротником нараспашку, в пиджаке – мужчина с высоким лбом и бирюзовыми глазами. В руках он держал гитару и иногда перебирал в задумчивости струны. Приблизившись вплотную к Президенту, мужчина кашлянул и протянул ему руку.

– Музыкант, – весело блестя глазами, сказал он.

– Президент, – парировал Президент.

Он пожал руку музыканту и указал на скамейку. Музыкант остался стоять.

– Что, все читаете? – спросил он, выгнув шею.

– Как видите.

Президент нахмурился. Казалось, будто что-то прислонилося к его уху и шепчет в него слова на странном, чужом языке. Президент, казалось, забыл этот язык. Музыкант стал медленно наигрывать на гитаре что-то блатное.

– И что же вы читаете? – спросил он и сразу же уточнил: – В конкретном плане.

– Чрезвычайно интересная вещь. Книга с исследованием.

– Да? – музыкант потянул шестую басовую струну и дернул ее. Дождавшись, когда гулкий отзвук затихнет, он продолжил: – Какого же рода?

– Политического. Рабочий момент. А вы чем занимаетесь?

– Да когда как. Преимущественно играем... – он кивнул на свою гитару. – Вы, кстати, случаем, не спите?

– Прошу прощения?

Что-то около уха зажужжало сильнее, уже не шепча, но стреляя словами в Президента. Дрозды утихли, а припаркованные «жигули» вдруг засигналили.

– Ничего, – улыбочиво ответил музыкант. – Говорю, вы не спите, господин Президент?.. Господин Президент! Родненький!

Президент Франции всхлипнул еще раз. Совсем отчаявшись, он жалостливо прошептал:

– Ну господин Президент, ну пожалуйста... Ну проснитесь, родненький!

– А?.. – пробормотал сквозь сон Президент. – Исследование, самое новое...

– Не спите! Слава богу, не спите!

– Кто?

– Вы! – Президент Франции чуть не вскрикнул от счастья.

– Зачем не сплю?

Президент широко открыл глаза. Он передернул плечами и посмотрел на тикавшие часы. Часы показывали два ночи. Президент обреченно нахмурился.

– Да, извините, – сказал он, мотая сонной головой. – Горбуна нет, говорите? Вы меня простите, я совсем не могу понять, в чем дело. Что случилось, в конце концов?

– Как? – голос президента Франции дрогнул. – Вы... Вы не знаете? Нотр-Дам, господин Президент! Горит, господа! Горит...

– Да, слышал. Соболезную. – Президент широко зевнул. – Есть жертвы?

– Как? Жертвы? Нет... Да! Кто-то прямо под Нотр-Дамом стоял... Как его пропустили! Стоял и на пожар смотрел, прямо у огня. Раздавило его чем-то, от крыши отлетело. Это сейчас, пару часов назад...

– А... – протянул Президент. – Ну а в остальном вы как?.. Тушите?

– Тушим ли? Как там потушишь! Никак! Но, господин Президент... – голос президента Франции вдруг стал мечтательным, далеким, – я так любил раньше с мамой туда. Она молилась там, а я не молился еще, а представлял только, как вот буду с виселиц спасать и вообще – на баррикады. А сейчас... Мертво, господин Президент! Все умерло! А я ведь пол там целовал, помню, был маленьким, пол!

– Коллега, вам нужен сон, – уверенно заявил Президент, – и отдых. Поезжайте в Ессентуки. На воды.

– А? Да-да... Мне кажется, что... Извините, это смешно, наверное. Как будто я сейчас сам горю. Вот, как шпиль, скоро обвалюсь. Париж горит, господин Президент, весь в огне! Как вы можете быть так спокойны! Я не понимаю!

Президент улыбнулся и протер рукой глаза. Слова президента Франции сливались в одно сложное предложение со светом лампы и луны, с ветром за окном, колышущим траву, и листья, и деревья. «И бассейн вместе с вертолетом – он еще там, а тут какой-то Нотр-Дам. И при чем? – тягуче подумал Президент. – И совсем даже ни к чему... Зачем? Зачем Собор, если есть Храм... И даже не какой-нибудь храм, а Храм Христа Спасителя, как новенький. Впрочем, действительно новенький...»

– Ну как же весь, коллега, – Президент причмокнул. – Горит только ведь Собор.

– Как же... Это ведь Нотр-Дам! Что мы потеряли, господин Президент! Что мы потеряли! Я помню, – голос президента Франции становился все плаксивее и тише, – сидел там лет в шестнадцать... И думал, что все смогу. И умным буду, и сильным, и большим. Я, верите ли, перечитывал каждый год. Гюго. И больше мне ничего не было нужно, господин Президент. Только я и он... И все. Я был некрасивым в детстве, господин Президент, а Нотр-Дам... Нотр-Дам...

– И что же Нотр-Дам?

Музыкант сел на скамейку около Президента. Тот отложил книгу и вздохнул.

– А Нотр-Дам, господин Президент, – ответил музыкант насмешливо, – вам надо найти.

– Здание?

– Зачем сразу здание. Здание уже забрали. У вас свое есть, вы не помните просто. Память у вас в последнее время... – Музыкант пристально посмотрел Президенту в глаза. – Можно откровенно?

– Можно, – не сразу ответил Президент.

– Никуда не годится, господин Президент, память ваша. Дырка то есть, а не память. Найдите Нотр-Дам – и вспомните сразу все.

– А как найти? – Президент задумчиво взглянул на музыканта.

– Ай, брусничный цвет, алый да рассвет... – неожиданно затянул музыкант и бодрым вибрато спел последние слова: – Али есть то место, али его нет?

Президент задумчиво оправил пиджак и посмотрел на панельный домик вдалеке. В окне он смог разглядеть генерала Сереброва. Серебров, в бежевой шапочке и в грязной рубашке, смотрел на него влюбленными глазами.

– А он тут откуда? – кивнул в сторону Сереброва Президент.

Музыкант рассмеялся.

– А он за вами сквозь огонь и воду. Не отпускает! Любит вас, значит. Вот вы его любите?

Президент растерянно промолчал.

– Ну вот. А надо найти то, что вы любите. Самостоятельно. Найдите, вот вам и будет – Нотр-Дам.

– Зачем? – Президент кротко улыбнулся.

– Как зачем? – удивленно спросил музыкант. – Горит ваша любовь, господин Президент! Тушить нужно! А то нельзя же без любви. Сами знаете.

Они поднялись. Солнце отбрасывало тени деревьев далеко назад – они переплетались друг с другом, колыхаясь вместе с ветром и каплями дождя, прыгающими со скатов крыш на высыхающий асфальт. Но Президент не любил солнце. Президент любил луну. Мимо пробежала белка и, вдруг остановившись, подмигнула Президенту. За ней бежал волк. Президент его не видел, но чувствовал оскал грязных зубов и грудной рык. Музыкант встал со скамейки, потянулся и заиграл что-то давнее, слышанное много лет назад. Откуда-то послышались бубен и аккордеон. Президент закрыл глаза. Что-то между ухом и плечом упало вниз – и Президент опустил голову. Тихим перебором стали кружиться листья, «жигули» – закружились бирюза в глазах Сереброва и струны на гитаре – и Дрезден провалился за туманом.

Стрелка часов в гостиной Президента давно перевалила за два ночи, а президент Франции все так же быстро тараторил в трубку. Он поминутно сбивался, перескакивал с одних слов на другие, спрашивал о чем-то Президента. Но Президент не отвечал. Свернувшись под простыней, с включенным светом и с телефонной трубкой рядом, он был в Ленинграде, с будущей женой. А французский президент все говорил – не Президенту, никому конкретно, а просто говорил – так, чтобы не слышать, как потрескивают угли на острове Сите.

– И я... Всегда, как Квазимодо, господин Президент! Я ведь не очень... Не очень читал много, всего, может, пару книг и помню. Но этот горб! У меня был неправильный прикус, знаете, вот я и думал, что у кого горб, у кого прикус, у кого там, может, нога одна другой короче... Но все – несчастные. Господин Президент, слышите? Несчастные! И я приходил туда. Каждый день приходил... И говорил с Богородицею, с Марией, говорил о себе, о прикусе, о маме, папе. А потом, Президент, слышите, потом целовал пол. Я так давно там не был... Так давно!

...

В Ленинграде был вечер. Огни горели на дорогах, в окнах – и в концертном зале «Май». Шел концерт юмориста Николая Адкина. Николай, загримированный под старика, с огромным носом и в очках, рассказывал истории о детях. Вместе с музыкантом Президент попал на концерт в середине выступления. Они пробирались сквозь ряды.

– Появился вот ребенок, – чеканил Адкин тоненьким, самоуверенным голоском. – Совершенно счастливы родители, что появился безо всякой посторонней помощи. Потому что коллектив – это святое дело, но есть все-таки вещи на свете, которые лучше делать своими руками.

Зал залился смехом. Президент указал на две головы во втором ряду. Музыкант прищурился и кивнул.

Президент, еще молодой, с челкой на правую сторону, поблескивал хитрыми глазами в сторону соседки. Соседка его была блондинкой с пышной прической а-ля Любовь Орлова и двумя тонкими бровями-полукружьями. Музыкант и Президент встали чуть поодаль от них.

– А вы тогда были моложе, – заметил музыкант.

Зал снова разразился хохотом. Сквозь смех Президент расслышал стихи. Стихи читал молодой Президент, читал сбивчиво, робко. Блондинка делала усилие, чтобы не улыбнуться.

– Нет без тебя мне жизни на земле. Утрачу слух – я все равно увижу... Услышу... – запнулся Президент. – Не помню. Забыл.

– Не начинайте, раз не знаете! – Блондинка снисходительно улыбнулась. – Это же Рильке! Как можно перевернуть самого Рильке!

– Очей лишусь – еще ясней увижу! – шепотом подсказал Президент.

Адкин на сцене слегка выгнул спину, прижал руки к груди и громко фыркнул. Зал зааплодировал. Музыкант участливо спросил:

– И что же это за особа?

– Жена, – Президент помолчал, – бывшая.

– Отчего же бывшая? – осведомился музыкант.

– Стихи... забывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.